

И. Северянин и пародия²

А. Е. Новиков

I. Severyanin and parody

А. Е. Novikov

Монография Е. В. Кузнецовой посвящена исследованию творчества одного из самобытных поэтов Серебряного века – Игоря Северянина (И. В. Лотарева), до сих пор изученного далеко не в полной мере. При этом, несмотря на то, что северяниноведение является довольно молодой отраслью отечественного литературоведения (оно начинает активно развиваться – по известным причинам – только в конце 80-х гг. прошлого столетия), появилось уже достаточно большое число работ (в том числе диссертационных исследований, монографий и т. д.), связанных с осмыслением поэтического наследия «короля поэтов». В этом смысле, на наш взгляд, представляется особенно важным, что автором актуализируются именно те аспекты поэтики И. Северянина, его творчества доэмигрантского периода, на которые

---

¹ Северянин И. Сочинения: в 5 т. Т. 1 / составители В. А. Кошелев и В. А. Сапогов. Санкт-Петербург: LOGOS, 1995. С. 530.

² Рецензия на: Кузнецова Е. В. Доэмигрантское творчество И. Северянина: проблемы поэтики проблемы поэтики. Москва: ИМЛИ РАН (в печати).

«Пой, менестрель! Тебе подвластно все!..»:

указывали многие (начиная с первых российских северяниноведов – В. А. Кошелева и В. А. Сапогова), но которые столь подробно, комплексно и всесторонне фактически никем не анализировались. Принципиальным здесь является самоопределение самого И. Северянина, который позиционировал себя в ряде произведений как «лирический ироник», «иронизирующее дитя» и т. д., что в значительной степени и определяло направленность его доэмигрантского творчества, разделяемого современными исследователями (прежде всего, В. Н. Терехиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой) на т. н. период «брошюр» (1904–1912) и период «покорения литературы» (1913–1918). Указанный момент является отправной точкой в монографическом исследовании Е. В. Кузнецовой, которая рассматривает поэтику доэмигрантского творчества И. Северянина сквозь призму характерного для него «двойного зрения», с учетом используемой поэтом технологии работы с «чужим словом», основанной на пародийно-иронической игре с ним, анализирует типичные для творчества поэта данного периода «модели дистанцирования от устойчивых топосов и поэтологических решений литературного узуса русского модернизма». Таким образом, в своей монографии автор обращается, как нам представляется, к анализу наиболее существенных сторон поэтики доэмигрантского творчества И. Северянина, которые столь скрупулезно и глубоко еще не рассматривались в отечественном литературоведении, чем и определяются безусловная ценность публикуемого исследования.

Монография содержит, прежде всего, серьезное теоретико-методологическое обоснование выдвигаемых автором положений. Екатерина Валентиновна опирается при этом на хорошее знание и глубокий анализ исследовательской литературы, посвященной различным аспектам биографии и творчества И. Северянина. Об этом свидетельствуют и подробный обзор «литературы вопроса», представленный в предисловии, и, показанное автором непосредственно в тексте монографии прекрасное знание и умелое использование работ, так или иначе связанных с проблематикой исследования. Кроме того, выбрав для осмысления в своей работе процессы трансформации традиционного языка русской лирики и поэтики символизма в эгофутуристическом дискурсе, одним из наиболее ярких выражений которого стала поэзия И. Северянина, и полагая, что эти процессы стали «реализацией разнонаправленных интенций пародийного в своем генезисе

«Пой, менестрель! Тебе подвластно все!...»:

Игорь Северянин и культура Серебряного века

механизма», Е. В. Кузнецова останавливается на наиболее релевантных по отношению к ее исследованию подходах к определению пародии, пародирования и пародийности. В указанном контексте автор обращается к основным положениям работ Ю. Н. Тынянова, А. А. Морозова, В. И. Новикова и ряда других авторов, которые становятся методологической основой рецензируемой монографии. Екатерина Валентиновна опирается на положение о том, что пародия может быть лишена прямого комизма и восприниматься внешне как вполне серьезное произведение, а установка на комичность и осмеяние в этом случае нивелируется, уходит на второй план. При этом действие пародийного механизма связывается с иронической деформацией, с гиперболизацией и утрированием исходного образца, которые могут носить и неявный, скрытый характер, имплицитно содержать в себе пародийность в широком смысле слова. Исходя из этих и ряда других положений, Е. В. Кузнецовой в ее работе под пародийным текстом понимается «многоплановое произведение, в котором происходит переосмысление, перекодирование или обыгрывание прецедентного текста или текстов, характерных черт их формы и содержания <...>, осуществляется «сдвиг» между старой и новой эстетической системой путем создания иронической дистанции». В пародийном произведении, по словам автора, «мы имеем дело» с авторской рефлексией «по поводу литературы и литературности, то есть перед нами предстает утрированный и объективизированный образ эпохи».

Опираясь на указанные теоретические постулаты, автор обращается далее к анализу характерной для И. Северянина стратегии публичной саморепрезентации, связанной с необходимостью создания в условиях утвердившегося в поэтической жизни 1910-х гг. принципа эстрадности «собственного публичного образа», выработки «уникальной манеры исполнения». Как отмечает Е. В. Кузнецова, И. Северянин «эксплуатирует две наиболее актуальные в культуре русского модернизма конца XIX – начала XX веков стратегии поведения – амплуа «эстета-денди» и образ «гения», «короля поэтов», литературного «мэтра». При этом представляемые поэтом поведенческие модели, внешне казавшиеся некоторым современникам подражанием поэтам-декадентам, как обоснованно замечает автор, содержали в себе «скрытую, но осознаваемую пародийность». Это подтверждается, по мнению Екатерины Валентиновны, и тем, что в реальной жизни «поэт

«Пой, менестрель! Тебе подвластно все!...»:

Игорь Северянин и культура Серебряного века

не был эстетом и денди», и его публичный образ был игрой, манифестацией, а «не подлинным непосредственным самовыражением». Е. В. Кузнецова указывает и на определенные элементы игры, «пародийного травестирирования», которые нашли отражение и в процедуре избрания И. Северянина «королем поэтов» в феврале 1918 года в Политехническом музее в Москве, и в поведении всех участников этого действия, в том числе и самого поэта (подобный контекст этого мероприятия, надо заметить, как правило, не учитывается в работах, посвященных биографии И. Северянина).

Основная часть монографии посвящена рассмотрению трансформации мотивов и топосов литературы модернизма в творчестве И. Северянина, связанной зачастую, по мнению автора, с пародийно-ироническим их переосмыслением и обыгрыванием. Это и ироническое использование И. Северяниным различных литературных «масок» – образа-маски романтического вдохновенного поэта, явно проецировавшегося на образ лирического героя символистов, в основе которого, по замечанию Е. В. Кузнецовой, «концепция индивидуализма, восходящая к романтическому культу исключительной личности»; масок самоутверждающегося короля и травестирующего его шута, пародийно ориентированных на творчество Ф. Сологуба, В. Брюсова, А. Блока и Андрея Белого. Это и образ «Грёзового царства», волшебной страны Миррэлии, «Светлого царства», иронически ориентированный на утопический топос «Страны Обетованной» К. Бальмонта, на образ земли Ойле Ф. Сологуба, на утопии В. Брюсова. Пародийно-ироническому обыгрыванию, по мнению автора монографии, подвергаются и характерные для русской лирики рубежа XIX–XX вв. урбанистические и природные мотивы, мотивы и образы любви, смерти и страдания, религиозно-философский дискурс представителей модернизма и т. д.

Важно отметить, что пародийно-игровое начало в творчестве И. Северянина, как подчеркивает Е. В. Кузнецова, порой носит неочевидный, скрытый характер. Так, например, по замечанию автора, «урбанистическая лирика поэта несводима только к ироническому началу, поэт искренне выражает свою очарованность ритмом и комфортом современной городской цивилизации», но в то же время «его произведения многоплановы, и в них присутствует ирония», позволяющая говорить о пародийно-травестийной их направленности. Од-

ним словом, возникает ситуация двойственности, неоднозначности, возможности по-разному «прочитывать» некоторые известные произведения И. Северянина доэмигрантского периода. Так, например, знаменитое северянинское стихотворение «Весенний день», по мнению Екатерины Валентиновны, может рассматриваться и как искреннее поэтическое излияние, и как ироническая игра с традиционными поэтическими темами. Правда, следует отметить, что Е. В. Кузнецова очень осторожна, можно сказать, деликатна в своих суждениях (что, на наш взгляд, является важным достоинством ее работы), и в тех случаях, когда ею затрагиваются проблемы пограничного, дискуссионного характера, связанные с поэтикой И. Северянина, она избегает категоричности в своих суждениях. Поэтому Екатерина Валентиновна, указывая на определенное сходство стихотворения «Весенний день» с литературной пародией, впрочем, делая при этом оговорку, что «это, конечно, не пародия в чистом виде», далее осторожно замечает: «Возможно, в «Весеннем дне» едва уловимая ироничность присутствует не как направленное против какого-то конкретного поэтического текста заострение, а как некая дистанция между биографическим автором и восторгами лирического героя».

Еще один аспект доэмигрантского творчества И. Северянина, к которому в своей монографии обращается Е. В. Кузнецова, связан с обращением поэта не только к ироническому переосмыслению или трагедизированию идейно-творческой составляющей литературы символизма, но и к пародийной игре с формами символистской поэзии, с техническими приемами, разработанными и актуализированными символистами, с шаблонами и клишированными словосочетаниями, характерными для литературы данной эпохи, с ироническим использованием им поэтики графомании, с пародийной трансформацией жанровой системы модернизма, уникальный вариант которой (по замечанию автора) был создан И. Северяниным.

Наконец, в рассматриваемом исследовании затрагивается и ситуация, связанная с превращением самого поэта, его творчества в объект пародирования, в пародийную личность. Все это в значительной степени дополняет воссозданную автором картину развития творчества И. Северянина доэмигрантского периода, процессов трансформации поэтики литературы русского модернизма, происходившей в ней.

В целом, на наш взгляд, монографическое исследование Е. В. Кузнецовой настолько серьезно и глубоко, что получившие обоснование в нем положения (хотя, конечно же, далеко не бесспорные) должны будут обязательно учитываться в дальнейшем всеми северяниноведами.

Монография Е. В. Кузнецовой «Дозмигрантское творчество И. Северянина: проблемы поэтики» носит комплексный характер. Она содержит как практический анализ поэтических текстов И. Северянина и других представителей русского модернизма, так и глубокое их теоретическое осмысление.